

18+

Дарья Шутко

СПИРАЛЬ

История любви
сквозь время

Дарья Шутко

Спираль

<https://litres.ru/74464773>

ISBN 9785007107891

Аннотация

Лиам оставляет устроенную жизнь в Дублине. Рая — музей и предсказуемость Парижа. Их дороги сходятся в Индии, будто они уже знали друг друга. Но любовь, похожая на судьбу, раз за разом требует от них одного: не исчезнуть друг в друге. Стамбул, Ришикеш, горы, архив 1898 года и белый камень со спиралью связывают две жизни — и ставят вопрос: можно ли изменить сценарий, который души повторяют столетиями?

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПРОЛОГ. РЕКА	7
• • •	11
ГЛАВА 1. ДОЖДЬ	12
ГЛАВА 2. СТЕКЛО	17
ГЛАВА 3. ДОМ	23
ГЛАВА 4. ОТЪЕЗДЫ	28
ГЛАВА 5. ГОРОД МЕЖДУ БЕРЕГАМИ	34
ГЛАВА 6. РАЯ И ДОРОГА	37
ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНЕЕ СЕБЯ	42
ГЛАВА 7. РИШИКЕШ	43
ГЛАВА 8. ПЯТЬ ТРИДЦАТЬ	48
ПРОШЛОЕ. 1898 — I. ЭЛИЗА	55
ГЛАВА 9. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Спираль

Дарья Шутко

© Дарья Шутко, 2026

ISBN 978-5-0071-0789-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Есть люди, которых мы встречаем и почти сразу забываем. А есть те, рядом с кем возникает необъяснимое чувство узнавания — не мысль, не красивое предчувствие, а странная телесная уверенность: я уже знаю, как ты молчишь.

Эта книга выросла из одного вопроса. Что, если любовь, которую мы называем судьбой, на самом деле не награда, а незаконченный урок? Что, если две души действительно способны снова и снова находить друг друга — в других городах, других обстоятельствах, возможно, в других жизнях, — но каждая встреча возвращает им не только нежность, а ту же самую внутреннюю задачу?

Мне не хотелось писать историю о «двух половинках». Половинки слишком легко оправдывают зависимость. Лиам и Рая должны были встретиться целыми людьми — и именно поэтому им сначала пришлось несколько раз потерять друг друга. Их любовь здесь не отменяет одиночество, работу, тепло, страх, амбиции, чужие страны, семейные истории и право каждого человека на собственную жизнь. Она проходит сквозь всё это.

В книге есть Индия, Стамбул, Париж, Дублин, горы, архивы, река, старые фотографии и белый камень со спиралью. Но ни одно место не является декорацией. Мне хотелось, чтобы города имели температуру, запах, голос; чтобы

дорога меняла не только пейзаж за окном, но и способ, которым герои смотрят на себя. Чтобы читатель мог почувствовать мокрый камень Дублина, соль Босфора, пыль Ришикеша, музейную прохладу Парижа, прозрачный воздух высоко в Гималаях — и вместе с ними то, что происходит внутри человека, когда привычная жизнь перестаёт ему подходить.

Я также не хочу убеждать вас в реинкарнации. Можно прочесть всё происходящее как мистику. Можно — как невероятную цепь совпадений, работу памяти и человеческое стремление находить смысл. Для этой истории важнее другое: иногда прошлое возвращается не для того, чтобы доказать, кем мы были, а чтобы спросить, кем мы станем теперь.

Если у этой книги и есть надежда, то она простая: настоящая близость начинается не там, где люди обещают никогда не расставаться. Она начинается там, где двое могут уйти — и всё равно свободно выбирают остаться.

ПРОЛОГ. РЕКА

Рассвет ещё не наступил, но река уже была светлее неба.

Женщина стояла на нижней ступени гхата босиком. Камень под ступнями хранил ночную прохладу, хотя воздух вокруг был тёплым и влажным. Где-то выше, в лабиринте тёмных переулков, хлопнула деревянная дверь. Потом зазвенел первый колокол — один удар, второй, третий. Звук прошёл сквозь спящие дома и медленно лёг на воду.

Город начинал проявляться, как фотография в растворе.

Сначала возникли силуэты лодок. Потом — фигуры людей, спускавшихся к воде. Белая ткань на плече старика. Медный сосуд в руке женщины. Собака, свернувшаяся на тёплом пепле возле стены. На другом берегу пока не было ничего, кроме бледной полосы песка и тумана.

Она подняла камеру.

Дерево корпуса было тёплым от её ладоней. Металл пах пальцами и химикатами. За последние месяцы этот предмет снова стал продолжением её тела — после долгого времени, когда она почти перестала фотографировать. Она не позволяла себе думать, почему.

В матовом стекле мир перевернулся.

Река оказалась сверху. Небо — снизу. Люди стали маленькими тенями, и от этого вся сцена вдруг приобрела ту тихую точность, ради которой она когда-то покинула Европу. Она

задержала дыхание.

И увидела мужчину.

Он стоял высоко на лестнице, там, где каменные ступени терялись между домами. Светлый костюм, шляпа в руке. Слишком прямые плечи для человека, который несколько ночей почти не спал.

Она не сразу опустила камеру.

Сначала посмотрела на него через перевёрнутое стекло. Так было легче. В мире камеры он был не человеком, которого она любила, а фигурой в композиции — вертикальной линией среди множества горизонталей, светлым пятном на тёмном камне.

Потом мужчина начал спускаться.

Шаг за шагом.

И с каждым шагом фотография снова превращалась в жизнь.

Женщина опустила камеру.

Она чувствовала то, что чувствовала каждый раз в последние недели: любовь поднималась внутри первой, почти мгновенно, а за ней приходил страх. Не страх потерять его. Гораздо хуже — страх снова потерять себя.

Река несла мимо маленькие чаши с цветами. Один огонёк погас прямо у её ног, но вода продолжила уносить тёмную чашечку дальше, словно огонь никогда и не был необходим.

Мужчина остановился в нескольких ступенях.

Ни один из них не заговорил.

У него были глаза человека, который уже придумал тысячу правильных фраз и понял, что ни одна не подходит.

Она посмотрела на его руки. Эти руки она знала лучше лица: длинные пальцы, тонкий белый шрам возле большого пальца, привычка сжимать костяшки, когда он боялся. Когда-то он держал ими её лицо так бережно, будто это была единственная вещь в мире, которую нельзя разбить. Потом этими же руками он складывал её фотографии в ящик, потому что они «мешали дороге». Она позволила ему. Именно это и было самым страшным.

Не то, что он попросил.

То, как легко она согласилась.

Ветер с воды поднял край её юбки. Женщина машинально придержала ткань и вдруг почувствовала в кармане что-то твёрдое.

Камень.

Небольшой, белый, гладкий. На одной стороне тёмная прожилка закручивалась внутрь почти идеальной спиралью.

Она достала его и нахмурилась.

Камень не был её.

Она не помнила, чтобы поднимала его с земли. Не помнила, чтобы кто-то давал его ей. Но когда положила на ладонь, по телу прошла странная волна — от пальцев к плечам, дальше к груди, будто память может жить не в голове, а в коже.

Мужчина увидел камень.

Его лицо изменилось.

На одно мгновение ей показалось, что он тоже его узнаёт.
— Откуда он у вас? — спросил он наконец.

Голос прозвучал хрипло.

Она посмотрела на спираль.

— Не знаю.

Это был первый честный ответ между ними за много недель.

Над крышами показалась тонкая полоска солнца. Река стала золотой в тех местах, где ещё секунду назад была серой. Вода не остановилась, чтобы отметить перемену. Она просто продолжила течь.

Женщина сжала камень в ладони.

В этот миг она ещё не знала, что однажды его найдёт другая женщина.

Не знала, что другое лицо, в другом столетии, наклонится над старой фотографией и почувствует то же необъяснимое узнавание.

Не знала, что мужчина напротив неё будет возвращаться к ней снова — в воспоминаниях, в историях, возможно, в чужом теле.

Она знала только одно.

Любовь не должна требовать исчезновения.

И если им когда-нибудь выпадет ещё одна встреча, они должны будут научиться этому раньше, чем станет поздно.

ЧАСТЬ I. ДО ОТПРАВЛЕНИЯ

Города ещё держали их порознь — один дождём, другой стеклом, расписанием, метро и привычкой держать спину прямо. Но под внешней упорядоченностью уже начинало работать другое течение: едва заметное, как подземная вода под асфальтом. Оно ещё не имело имени и не обещало счастья. Оно только медленно подталкивало двух людей к той точке, где совпадают не только маршруты, но и внутренние трещины.

ГЛАВА 1. ДОЖДЬ

Дождь в Дублине умел стирать границы. Он превращал стеклянные фасады в серые акварели, лица прохожих — в быстро исчезающие пятна, а расстояние между домом и офисом — в один и тот же влажный коридор. Лиам всегда считал эту погоду удобной: под ней можно было не замечать собственного настроения. Но в то утро дождь неожиданно перестал быть фоном. Он стал похож на поверхность его жизни — гладкую, холодную, бесконечно текущую куда-то без его участия. Даже собственное отражение в офисном окне казалось чужим: правильная рубашка, правильная стрижка, правильный возраст для следующего повышения. Только глаза не соглашались с остальным. В них было что-то от человека, который слишком долго живёт в помещении без открывающихся окон.

5 ноября. Дублин.

Офисное утро пахло мокрой шерстью пальто, кофейной кислотой и перегретым пластиком техники. За стеклом всё было размыто дождём, будто город нарочно отказывался быть чётким: серые фасады, трамвайные провода, пятна фар на асфальте, речная темнота под мостами. Лиаму казалось, что эта расплывчатость делает внешний мир честнее его собственной жизни. Снаружи всё текло и менялось, а внутри у него уже давно стояло неподвижное, глухое озеро, по по-

верхности которого расходились только круги от слов «надо», «пора» и «правильно».

В девять пятнадцать утра Лиам О'Коннор смотрел на дождь с семнадцатого этажа и думал о том, как удобно было бы исчезнуть.

Не умереть. Эта мысль никогда не приходила ему всерьёз. Исчезнуть означало другое: не отвечать на письма, не открывать календарь, не слышать слов «дедлайн», «синергия» и «следующий квартал». Выйти из лифта на первом этаже, свернуть не к автобусной остановке, а куда-нибудь ещё — и не возвращаться.

За окном Дублин растворялся в воде. Капли ползли по стеклу, сталкивались, сливались в тяжёлые дорожки и исчезали за металлической рамой. Лиам иногда думал, что дождь здесь не погода, а разновидность времени: он не начинается и не заканчивается, просто меняет плотность.

На мониторе мигала презентация «Hibernian Logistics: Q4 Transformation Review». Слово transformation стояло на первом слайде крупным белым шрифтом. За восемь лет в Stratton & Associates Лиам научился превращать любое человеческое беспокойство в диаграмму: уволенных сотрудников — в «оптимизацию», усталость — в «снижение вовлечённости», страх — в «барьер изменения».

Ему было тридцать два. Он зарабатывал достаточно, чтобы не смотреть на цены в супермаркете. У него была квартира в Ратмайнсе, электрическая BMW, страховка, накопле-

ния, спортивный клуб, куда он ходил дважды в месяц и каждый раз обещал себе ходить чаще. Его мать гордилась им. Его лучший друг Шан считал, что Лиам выиграл взрослую жизнь.

Сам Лиам чувствовал, что взрослую жизнь выиграл кто-то другой, а ему по ошибке выдали чужой приз.

В 9:30 началось совещание.

Дэвид Патель, его руководитель, говорил быстро, как человек, который всю жизнь опаздывает на встречу, назначенную самим собой.

— Клиент нервничает из-за цифр по Корку. Покажи им, что просадка временная. И, Лиам, не уходи в философию. Им нужен ответ.

Лиам кивнул.

Он умел давать ответы. В этом и заключалась проблема.

Два часа он объяснял людям, которых почти не знал, почему решение, принятое людьми, которых они почти не знали, увеличит прибыль компании, чьими грузовиками он никогда не пользовался. Говорил уверенно. Шутил в нужных местах. На неудобный вопрос отвечал так, что задавший его человек через минуту уже не был уверен, что вопрос вообще существовал.

После встречи Дэвид хлопнул его по плечу.

— Идеально.

Лиам посмотрел на пустой экран проектора.

Слово зацепилось внутри.

Идеально.

В тринадцать тридцать он обедал с Мэри из соседней команды. Она рассказывала о внутреннем конкурсе на позицию директора и о квартире, которую они с женихом собирались покупать в новом доме у канала.

— А ты? — спросила она. — Следующий год? Partner track?

Лиам разрезал курицу пластиковым ножом.

— Наверное.

— Ты же этого хотел.

Он поднял глаза.

Мэри смотрела на него без подвоха. Ей действительно было интересно.

— Да, — сказал он.

И впервые услышал собственную ложь раньше, чем договорил.

В семь вечера он вышел на Графтон-стрит. Дождь стал мельче, но ветер гнал его почти горизонтально. Люди шли, наклонив головы, прятали телефоны под воротники, перебежали от навеса к навесу. Автобус захлопнул двери перед женщиной с зонтом. Она выругалась, засмеялась и побежала к следующей остановке.

Лиам остановился посреди потока.

Его толкнули плечом.

— Sorry.

Он не ответил.

В витрине магазина напротив отражался мужчина в тёмном пальто: высокий, аккуратно подстриженный, с дорогим рюкзаком для ноутбука. Лиаму понадобилась секунда, чтобы понять, что это он.

И тогда внутри возникло чувство настолько простое, что оно испугало его больше сложных мыслей.

Я больше не хочу.

Не «мне нужен отпуск». Не «я устал». Не «надо сменить проект».

Я больше не хочу жить так.

Он простоял под дождём несколько минут. Вода стекала за воротник, рубашка прилипла к спине. И впервые за долгое время ему было всё равно, как он выглядит.

В тот вечер, вернувшись домой, он не открыл ноутбук.

Он достал из шкафа карту мира, которую когда-то купил в университетские годы. Бумага была пожелтевшей по сгибам. Он положил карту на пол и сел рядом.

Палец сам остановился на Стамбуле.

Почему именно там, он не знал.

Наутро он купил билет.

ГЛАВА 2. СТЕКЛО

В музее всегда было на несколько градусов холоднее, чем снаружи. Рая любила эту прохладу: она сохраняла бумагу, краску, ткань и одновременно приучала человека двигаться осторожнее. В залах нельзя было хлопать дверями, касаться рам, говорить слишком громко. Здесь всё имело расстояние, даже красота. Возможно, именно поэтому Рая чувствовала себя в музейных комнатах в безопасности — прошлое можно было поставить за стекло, снабдить датой, описанием, инвентарным номером. С собственной жизнью такой трюк не работал. Она всё чаще ловила себя на том, что задерживается перед окнами дольше, чем перед экспонатами, и смотрит не на историю, а на улицу: туда, где люди спешат, ссорятся, целуются, опаздывают и совершают ошибки без музейных подписей.

5 ноября. Париж.

Париж в те дни был прозрачным и холодным, как старое оконное стекло. Утренний свет ложился на музейные коридоры ровными прямоугольниками, в которых пылинки поднимались и опускались почти торжественно, словно тоже принадлежали экспозиции. Рая всегда чувствовала себя в таких пространствах одновременно защищённой и пойманной: прошлое не требовало от неё смелости, только внимательности. Настоящее требовало большего — ответа, движе-

ния, риска. И потому среди писем, рам, биров и витрин ей всё чаще становилось не спокойно, а тесно.

В то же утро Рая Дюпон стояла перед стеклянной витриной в музее Карнавале и думала, что всю жизнь занимается сохранением вещей, которые уже закончились.

Внутри лежало письмо 1871 года. Чернила поблёкли, угол бумаги был обожжён. Мужчина писал жене во время Парижской коммуны, что обязательно вернётся вечером.

Он не вернулся.

Рая знала это, потому что сама готовила подпись к экспонату.

«Последнее письмо Этьена Мореля супруге, 24 мая 1871 года».

Двадцать три слова музейного текста помещали в себя чужую смерть, чужое ожидание и сто пятьдесят лет тишины.

— Ты слушаешь? — спросил Жан-Пьер.

Рая повернулась.

Её начальник стоял у макета нового крыла. Он был человеком того возраста, когда французские мужчины либо неожиданно начинают выглядеть элегантно, либо навсегда сдаются. Жан-Пьер относился к первым: серебряные волосы, тонкие очки, шарф даже в помещении.

— Конечно.

— Тогда скажи, что думаешь.

Она посмотрела на план.

Год работы. Возможно, полтора. Новый раздел, междуна-

родные партнёры, пресса. Для тридцатилетнего куратора это была возможность, о которой следовало мечтать.

— Это большая честь.

— Я не спрашивал, большая ли это честь.

Она улыбнулась.

Жан-Пьер прищурился.

— Ты изменилась за последние месяцы.

— В худшую сторону?

— В менее удобную.

Он сказал это без раздражения.

Рая подошла к окну. Внизу, в Маре, велосипедист ругался с водителем фургона, женщина держала на поводке белую собаку, туристы фотографировали фасад. Париж умел выглядеть так, будто любая его случайность заранее поставлена хорошим режиссёром.

Пять лет Рая любила свою работу. Она умела стоять перед картиной двадцать минут, пока не замечала деталь, которую не видела раньше. Умела по почерку определить настроение человека, умершего сто лет назад. Умела спорить о свете на полотнах Боннара так, будто речь шла о политике.

Она любила искусство.

Но в последнее время ей казалось, что она стоит перед чужими жизнями, пока её собственная тихо проходит за спиной.

— Когда тебе нужен ответ? — спросила она.

— Через неделю.

— Хорошо.

— Рая.

Она обернулась.

— Если ты не хочешь, не соглашайся только потому, что это правильный следующий шаг.

Фраза была обычной. Но вечером она преследовала её до дома.

В квартире пахло воском, книгами и вином. На стенах висели работы молодых художников, которых она покупала раньше, чем они становились дорогими. На кухне стояла бутылка бургундского, открытая два дня назад. На подоконнике лежала стопка приглашений.

Рая сняла туфли и прошла босиком в гостиную.

Телефон мигнул.

Тео: «Ты сегодня исчезла после открытия. Всё хорошо?»

Тео был архитектором, красивым, добрым и почти идеально подходящим ей человеком. Они встречались шесть месяцев — достаточно регулярно, чтобы друзья считали их парой, и достаточно неопределённо, чтобы оба избегали этого слова.

Рая набрала: «Да. Просто устала».

Стерла.

«Не знаю».

Стерла.

Положила телефон экраном вниз.

На полке стояла старая фотография её бабушки. Молодая

женщина в пальто смотрела в объектив с выражением лёгкого вызова. За ней было море. Рая никогда не знала, кто сделал снимок. Бабушка умерла, когда Рае было двенадцать, но перед смертью подарила ей странную вещь — белый камень с тёмной линией, похожей на спираль.

«Не теряй», — сказала она.

Рая тогда спросила почему.

«Потому что он уже один раз вернулся».

Детям не объясняют семейные загадки, если взрослые сами их не понимают.

Рая взяла камень с полки.

Он был холодным.

В ту ночь ей приснилась река.

Не Сена. Она знала это сразу.

Широкая вода, каменные ступени, дым, звон колоколов. На нижней ступени стоял мужчина спиной к ней. Она не видела его лица, но чувство было настолько сильным, что во сне у неё заболела грудь.

Она проснулась в четыре двадцать семь.

На ладони лежал камень.

Она не помнила, как принесла его в спальню.

Через три дня Рая отказалась от повышения.

Через пять — сказала Тео, что уезжает.

— Куда?

Они сидели в маленьком кафе у площади Вогезов. Тео держал чашку обеими руками, будто пытался согреться.

— Не знаю.

Он рассмеялся, потом увидел её лицо.

— Ты серьёзно.

— Да.

— И что ты будешь делать?

— Ехать.

— Это не действие, Рая. Это направление движения.

— Возможно, мне пока этого достаточно.

Тео смотрел на неё долго.

— Там кто-то есть?

— Нет.

Она ответила сразу. И всё же почему-то вспомнила мужчину со спины у незнакомой реки.

ГЛАВА 3. ДОМ

Дом Фионы пах не старостью, а временем. Полированным деревом, сушёной лавандой в маленьких мешочках, книгами, которые десятилетиями впитывали каминный дым, и яблочным пирогом, рецепт которого она никогда не записывала. Для Лиамы этот запах всегда означал разрешение ненадолго стать младше. Здесь не требовалось быть компетентным, остроумным, устойчивым. Можно было просто сидеть у огня и слушать, как в трубе гудит ветер. Но в тот вечер привычное чувство защищённости имело обратную сторону: чем теплее было в комнате, тем яснее он понимал, что собирается уйти от всего знакомого. Любовь к дому вдруг не удерживала его — наоборот, делала отъезд серьезнее. Уезжать от места, которое ненавидишь, легко. Труднее уходить от того, что всё ещё тебя любит.

7 ноября. Дублин.

Мать Лиамы жила в Портобелло, в доме, который пережил три ремонта, двух собак, одну смерть и все версии своего сына.

Когда он открыл дверь, запах был тем же, что в детстве: чёрный чай, старая древесина, лаванда и что-то сладкое, запекающееся в духовке.

— Сними мокрое, — сказала Фиона вместо приветствия.

— Мам, я не мокрый.

Она потрогала его плечо.

— Ты ирландец. Ты всегда мокрый.

Ей было шестьдесят восемь. После смерти мужа семь лет назад она сделала то, чего никто от неё не ожидал: купила дешёвый билет в Мехико и уехала одна. Потом были Каир, Бангкок, Марракеш. Она возвращалась с дешёвыми браслетами, пакетами специй и историями о людях, чьи имена Лиам забывал, но которых Фиона помнила годами.

Она поставила чайник на стол.

— Ты пришёл сказать что-то неприятное.

— Почему неприятное?

— Потому что для приятных вещей ты звонишь.

Он улыбнулся.

Некоторое время они говорили о соседях, о Шане, о крыше, которую снова надо было ремонтировать. Потом Фиона перестала задавать вопросы и просто ждала.

Лиам смотрел в огонь.

— Я увольняюсь.

— Хорошо.

Он поднял голову.

— Это всё?

— Ты рассчитывал на обморок?

— Хотя бы на «ты сошёл с ума».

— Эту реплику оставим Шану.

— Я собираюсь путешествовать. Не две недели. Может быть, несколько месяцев. Может быть, дольше.

Фиона взяла чашку.

— А чего ты ищешь?

— Не знаю.

— Тогда как поймёшь, что нашёл?

Лиам раздражённо выдохнул.

— Мам, если бы я мог это сформулировать, мне, наверное, не нужно было бы уезжать.

— Верно.

Она не защищалась и не наставляла. Это раздражало ещё сильнее.

— Все думают, что у меня отличная жизнь.

— У тебя отличная жизнь.

— Вот именно.

— И это не одно и то же, что твоя жизнь.

Он замолчал.

Фиона положила ладонь на стол рядом с его рукой, не касаясь.

— Твой отец однажды хотел уехать в Чили.

Лиам нахмурился.

— Папа?

— Ему было двадцать девять. Он уже работал, мы только поженились. Он увидел вакансию инженера на севере Чили и ходил с объявлением в кармане недели три.

— Почему не поехал?

— Потому что я была беременна тобой.

— Он жалел?

Фиона посмотрела на огонь.

— Иногда. И одновременно ни разу.

— Как это возможно?

— Взрослая жизнь редко помещается в одно чувство.

Она улыбнулась.

— Не превращай свой отъезд в религию, Лиам. Уезжай, если нужно. Но помни: самолёт не может вывезти тебя из собственной головы. Куда бы ты ни поехал, ты всё равно будешь там.

Перед уходом она дала ему маленький конверт.

— Что это?

— Откроешь в Стамбуле.

— Откуда ты знаешь, что я еду в Стамбул?

Фиона пожала плечами.

— Ты в детстве десять раз пересматривал фильм про город с двумя берегами. Было несложно.

Но когда дверь за ним закрылась, она ещё долго стояла в коридоре.

Потом подошла к шкафу, достала старую жестяную коробку и открыла.

На дне лежала фотография мужчины у реки. Снимок был настолько старым, что края почти растворились.

Мужчина не был похож на её мужа.

Но был пугающе похож на Лиаму.

Фиона никогда не показывала фотографию сыну.

На обратной стороне рукой её бабушки было написано по-

французски:

«Бенарес, 1898. Тот, кого мы всегда встречаем слишком поздно».

ГЛАВА 4. ОТЪЕЗДЫ

Отъезд начинается задолго до вокзала. Сначала вещи теряют привычные места. Книги складываются стопками, одежда перестаёт висеть в шкафу, чашка оказывается завёрнутой в газету, а фотографии внезапно становятся предметами, про которые приходится решать: брать или оставить. Пространство сопротивляется: пустая полка выглядит обвинением, снятая со стены картина оставляет более светлый прямоугольник, будто дом хранит контур того, что исчезло. Лиам и Рая в разных городах совершали почти одинаковый ритуал, не зная друг о друге. Они уменьшали свои жизни до размеров багажа. И оба испытывали одно и то же странное чувство: будто самое тяжёлое невозможно положить в чемодан — ожидания семьи, собственные прежние обещания, страх оказаться неблагодарными за хорошую жизнь.

9—16 ноября.

Уход из одной жизни оказался не драматическим прыжком, а чередой мелких административных действий.

Лиам отправил заявление об увольнении. Дэвид сначала решил, что это торг за повышение.

— Сорок процентов, — сказал он. — И свой проект.

— Нет.

— Пятьдесят.

— Дэвид.

— Ты хотя бы понимаешь, от чего отказываешься?

Лиам посмотрел на стеклянную стену переговорной. За ней Мэри что-то показывала младшему аналитику, водя пальцем по экрану.

— Кажется, впервые понимаю.

Шан отреагировал предсказуемое.

— Ты идиот.

Они стояли у бара в Темпл-Баре, где из-за музыки приходилось почти кричать.

— Спасибо.

— Нет, серьёзно. Нормальные люди не увольняются с такой зарплаты, чтобы «найти себя». Нормальные люди находят себя по выходным.

— Возможно, я ненормальный.

Шан сделал глоток Guinness.

— Я всегда это подозревал.

Он помолчал.

— Сколько у тебя денег?

— Достаточно.

— Где будешь жить?

— Не знаю.

— Когда вернёшься?

— Не знаю.

— Ты понимаешь, что звучишь как человек, которого через месяц будут искать через консульство?

Лиам рассмеялся.

Шан тоже. Потом внезапно перестал.

— Я завидую тебе, — сказал он.

Лиам не ожидал.

— Чему?

— Тому, что ты всё ещё можешь сделать что-то настолько глупое.

— У тебя семья.

— Именно.

В его голосе не было сожаления. Только признание веса того, что он выбрал.

Они чокнулись.

— Если встретишь просветление, спроси, принимает ли оно ипотечные платежи, — сказал Шан.

В Париже Рая складывала жизнь в коробки гораздо медленнее.

Её родители жили у Версаля, в доме с ровно подстриженными кустами и окнами, которые мать открывала каждое утро независимо от погоды.

Отец, Клод, выслушал новость, отложил вилку и спросил:

— На сколько?

— Не знаю.

— У тебя талант отвечать так, чтобы ни один адвокат не смог использовать твои слова в суде.

— Это наследственное.

Мать не улыбнулась.

— Ты несчастна?

Рая задумалась.

— Нет.

— Тогда зачем разрушать то, что работает?

Клод посмотрел на жену, потом на дочь.

— Потому что иногда «работает» — недостаточный критерий.

После ужина он вышел с Раей в сад.

— Когда мне было тридцать, — сказал он, — я хотел писать пьесы.

Рая повернулась.

— Ты никогда не говорил.

— Потому что я стал адвокатом.

— Ты жалеешь?

— Я люблю твою мать. Люблю тебя. Любил свою работу чаще, чем ненавидел. Это хорошая жизнь.

Он сунул руки в карманы.

— Но иногда я просыпаюсь и помню начало одной пьесы. Я придумал его в двадцать девять. Остального текста нет, а первые две реплики помню до сих пор.

— Какие?

Клод улыбнулся.

— «Ты пришёл слишком поздно». — «Нет. Я пришёл в следующую жизнь».

Рая замерла.

— Что?

— Глупость. Молодой человек пытается казаться глубоко-

ким.

— Откуда ты это взял?

— Не знаю. Приснилось.

В ту ночь Рая снова увидела реку.

На этот раз мужчина повернулся.

Она проснулась за мгновение до того, как увидела его лицо.

• • •

17 ноября Лиам прилетел не в аэропорт Ататюрк, как было в его старом путеводителе, а в новый аэропорт Стамбула — огромный, блестящий и почти неправдоподобно современный.

Первое разочарование путешественника оказалось полезным: мир не собирался соответствовать картинкам, которые он приготовил заранее.

Такси везло его в Султанахмет. Дождя не было. Небо стояло ясное, сухое. Минареты появлялись между домами и исчезали. Водитель говорил по телефону, одновременно перестраиваясь через три полосы. На светофоре мальчик продавал воду. У обочины мужчина кормил уличных кошек из огромного пакета.

Лиам смотрел в окно с почти болезненным вниманием.

В гестхаусе он открыл конверт матери.

Внутри лежала короткая записка.

«Не ищи смысл. Замечай».

И маленькая фотография, вырезанная из старого альбо-

ма: Фиона молодая, лет двадцати пяти, стоит возле Голубой мечети. На обороте дата — 1978.

Лиам улыбнулся.

Он не знал, что фотография, которую мать оставила дома, была гораздо старше.

ГЛАВА 5. ГОРОД МЕЖДУ БЕРЕГАМИ

Стамбул сразу лишил Лиам привычки идти по прямой. Улица могла внезапно уйти вверх такой крутизной, что через пять минут он чувствовал мышцы, о существовании которых забыл; узкий проход выводил к огромной воде; за современной кофейней открывался двор с камнем, который видел несколько империй. Город не позволял выбирать между Востоком и Западом, старым и новым, священным и бытовым. Всё существовало одновременно. Лиаму это сначала казалось беспорядком, потом — свободой. Он начал понимать, насколько его прежняя жизнь зависела от способности разделять: работа здесь, чувства там, тело отдельно, страх отдельно. Стамбул смешивал всё в один горячий, солёный, шумный воздух, и от этого внутри становилось немного труднее лгать.

Стамбул не позволял думать о себе аккуратно.

Он был слишком громким, слишком тесным, слишком противоречивым. Утром Лиам просыпался от призыва к молитве, через час ругался с продавцом симитов из-за сдачи, днём терялся среди специй и дешёвых футболок, вечером сидел у воды и смотрел, как паромы режут Босфор белыми следами.

В Дублине он привык понимать пространство. Здесь кар-

та в телефоне могла утверждать, что до нужной улицы три минуты, а через десять минут Лиам обнаруживал себя перед лестницей, которой не существовало на карте, рядом с кофейней, из которой пахло кардамоном.

На третий день он перестал злиться.

На пятый — перестал строить маршрут заранее.

На шестой познакомился с Ибрагимом.

Старик сидел на бетонном краю у Золотого Рога и кормил чайку кусочками хлеба. Лиам писал в блокноте.

— Ты слишком сильно давишь ручкой, — сказал Ибрагим по-английски.

Лиам поднял голову.

— Простите?

— Бумага ни в чём не виновата.

У старика были прозрачные голубые глаза и лицо, на котором морщины располагались так густо, будто кто-то много лет рисовал карту дорог.

— Я думаю, — сказал Лиам.

— Вот это и проблема.

Ибрагим отломил ещё хлеба.

Лиам рассмеялся.

— Вы всегда разговариваете с незнакомцами?

— Только с теми, кто выглядит так, будто заплатил большие деньги, чтобы стать беднее.

Так начался разговор, который продлился три часа.

Ибрагим оказался бывшим преподавателем философии.

Он не говорил афоризмами и не пытался «читать» Лиаму. Напротив, большую часть времени спорил.

— Люди приезжают сюда и хотят, чтобы город дал им ответ, — сказал он. — Город ничего тебе не должен.

— А вы путешествовали?

— Сорок лет.

— И нашли то, что искали?

Ибрагим пожал плечами.

— Я нашёл много вещей, которых не искал. Это оказалось интереснее.

Когда они расходились, старик написал адрес на бумажной салфетке.

— Ришикеш. Гестхаус у реки. Если окажешься там, спроси Самду.

— Зачем?

— Он должен мне деньги.

Лиам посмотрел на него.

Ибрагим засмеялся.

— Ничего он мне не должен. Но ты слишком серьёзный. Тебе полезно иногда не знать, зачем.

Вечером Лиам приклеил салфетку в дневник.

Ночью ему приснился камень.

Белый, гладкий, с тёмной спиралью.

Он лежал на женской ладони.

Проснувшись, Лиам долго смотрел на собственную руку.

Он никогда не видел этого камня.

ГЛАВА 6. РАЯ И ДОРОГА

Поезд позволял Рае исчезать постепенно. Самолёт слишком быстро отрывает человека от его жизни: несколько часов — и знакомый язык становится объявлениями в другом аэропорту. В поезде расставание происходит честнее. За окном ещё долго идут те же поля, потом меняется архитектура станций, потом кофе начинает пахнуть иначе, и только к вечеру понимаешь, что расстояние действительно случилось. Рая сидела у окна и наблюдала собственное отражение поверх альпийских склонов. Иногда стекло делало её лицо прозрачным, и сквозь него проходили горы. Ей нравился этот эффект. Казалось, человек тоже может стать прозрачнее для самого себя, если достаточно долго смотреть не внутрь, а на то, как мир движется мимо.

Рая не полетела сразу в Индию.

Ей хотелось заслужить расстояние.

Она села на поезд до Цюриха, потом на другой — через Альпы. Снег лежал высоко на склонах, озёра казались металлическими. В вагоне пожилая немецкая пара делила яблоко ножом, который мужчина носил в кожаном чехле.

Женщину звали Хедвиг. Она спросила, куда едет Рая.

— Не знаю.

Хедвиг посмотрела на мужа.

— Молодые всё ещё могут себе позволить такие ответы.

— А старые?

— Старые тоже. Просто мы дольше притворяемся, что не можем.

В Вене Рая пробыла два дня. В музее она впервые за много лет смотрела на картины не как специалист. Не читала таблички. Не анализировала реставрацию. Просто стояла перед портретом незнакомой женщины и позволяла себе не знать, кто её написал.

На третий день случилось первое странное совпадение.

В маленьком антикварном магазине она увидела фотографию.

Старая, серебристая, выцветшая. На ней была река с широкими каменными ступенями.

Рая узнала место из сна раньше, чем прочитала подпись. Benares, 1898.

Она попросила продавца достать снимок.

— Хорошая вещь, — сказал он. — Французская фотография. Имя не сохранилось.

На краю кадра стоял мужчина в светлом костюме, отвернувшись от камеры.

Рая почувствовала, как холодеют пальцы.

— Сколько?

Цена была абсурдной для старого неизвестного снимка.

Она купила его не торгуясь.

В Белграде Рая познакомилась с Юлией — украинкой её возраста, которая жила между городами уже больше года.

Они встретились в общей кухне хостела. Юлия варила гречку в слишком маленькой кастрюле и ругалась по-русски на вытекающую воду.

— Француженка? — спросила она, услышав акцент Раи.

— Да.

— Хорошо. Значит, ты хотя бы умеешь делать вид, что еда — это событие.

Они проговорили до двух ночи.

Юлия не была мудрой проводницей. Она перебивала, материлась, курила у окна и раздражалась на любые попытки превратить её прошлое в красивую историю о преодолении.

— Люди любят спрашивать, чему меня научила война, — сказала она. — Как будто боль обязана выдавать диплом.

Рая опустила чашку.

— А чему научила?

— Что иногда боль — просто боль.

Юлия усмехнулась.

— И что жизнь всё равно хочет кофе утром. Даже когда кажется, что не должна.

Позже Рая рассказала о фотографии из Вены.

— Покажи.

Юлия долго рассматривала снимок.

— Красиво.

— Я видела это место во сне.

— Может, видела фотографию раньше.

— Не видела.

— Тогда твой мозг украл её из другого фильма.

— Ты не веришь в такие вещи?

— Я верю, что мозг — странная штука. И что иногда совпадение спасает жизнь лучше любой религии.

Перед сном Юлия сказала:

— Только не влюбляйся в знак, Рая. Люди это делают. Им кажется, что если вселенная подмигнула, значит, можно перестать думать.

Фраза останется с Раей надолго.

Через два дня они расстались на автовокзале.

Юлия поехала к морю.

Рая — на восток.

В Стамбул она приехала 25 ноября, через неделю после того, как Лиам уехал оттуда в сторону Индии.

Они жили в соседних кварталах одного и того же города с разницей в семь дней.

Они пили чай у одного и того же продавца на набережной.

Оба сфотографировали рыжего кота, который спал на синей подушке возле книжного магазина.

И оба, не зная друг о друге, купили на базаре одинаковые тонкие красные нити — Рая как закладку для дневника, Лиам просто потому, что продавец дал ему сдачу этой нитью, завязав монету в маленький узел.

Если бы кто-то рассказал им об этом позже, они решили бы, что история украшена.

Но некоторые вещи происходят слишком аккуратно имен-

но тогда, когда никто ещё не знает, что их нужно запомнить.

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНЕЕ СЕБЯ

Стамбул встретил их не как открытка, а как организм: солёный, шумный, многослойный. Здесь воздух всегда содержал в себе больше одного запаха — море, уголь, жареный кунжут, мокрый камень, кофе, чужие духи, тепло человеческих тел. В таком городе память не живёт в голове отдельно от тела. Она оседает на коже, входит в походку, меняет ритм дыхания. И поэтому встреча, которую можно было бы объяснить случайностью, в Стамбуле сразу начинала казаться чем-то давним и уже когда-то прожитым.

ГЛАВА 7. РИШИКЕШ

Первое утро в Ришикеше оказалось слишком материальным для духовных ожиданий. Пыль липла к влажной коже. Скутеры протискивались между людьми с настойчивостью воды. Обезьяна украла у ребёнка пакет печенья и спокойно уселась на вывеске аптеки. Из маленькой лавки пахло тёплым маслом, от реки — сыростью и прохладой, а от обочины — тем, о чём туристические буклеты предпочитают молчать. Именно эта несовершенная плотность города понравилась Лиаму. Здесь сакральное не было отделено от мусора, усталости, торговли, шума и человеческого тела. Он вдруг подумал, что, возможно, сам слишком долго пытался очищать жизнь от всего неудобного — и вместе с неудобством отфильтровал из неё почти всё живое.

Лиам приехал в Ришикеш ранним утром 29 ноября.

Дорога из Дели заняла почти всю ночь. В автобусе пахло мятной жвачкой, шерстяными пледами, пряностями из чьего-то пакета и дизелем, который иногда проникал в салон на остановках. Лиам почти не спал. За окном темнота постепенно становилась серой, потом в ней начали проступать холмы.

Ришикеш оказался совсем не таким, каким он представлял город, называющий себя мировой столицей йоги.

Он ожидал тишины.

Получил гудки скутеров, обезьян, разрывающих пласти-

ковый пакет на крыше, собак, спящих поперёк дороги, продавцов фруктов, паломников, европейцев в слишком новых белых одеждах, индийские семьи с детьми, коров, которые двигались с абсолютной уверенностью, что правила дорожного движения придуманы для других видов.

Река появилась внезапно.

За домами, проводами и вывесками открылось пространство цвета выцветшего нефрита. Ганга текла быстро и спокойно одновременно. У Лиам не задрожали руки и не случилось мистического озарения. Он просто остановился.

Некоторое время ему не хотелось доставать телефон.

Это было новым.

Гестхаус, адрес которого дал Ибрагим, назывался «Ши-ва», но вывеска была такой маленькой, что Лиам прошёл мимо дважды. За стойкой сидел худой мужчина лет пятидесяти и чинил ремешок часов.

— Самду?

Мужчина поднял глаза.

— Да.

— Меня прислал Ибрагим из Стамбула.

Самду закрыл лицо ладонью.

— Он ещё жив?

— Кажется.

— Очень плохо. Он должен мне пятьсот рупий.

Лиам рассмеялся.

Так он понял, что Ибрагим не выдумал шутку.

Комната была простой: кровать, вентилятор, стул, маленький стол и балкон, с которого между домами было видно реку. На стене кто-то оставил карандашом надпись на английском: «Ты не обязан стать новым человеком. Попробуй сначала быть этим».

Лиам прочитал её трижды.

В первые дни он ходил на занятия йогой, которые оказались намного труднее, чем обещали фотографии в интернете. На медитации его нога затекала через восемь минут. На лекции о непривязанности он поймал себя на том, что проверяет, сколько стоит обратный билет в Ирландию.

Ему нравилось, что духовность здесь всё время сталкивалась с телом.

Можно было размышлять о вечности и через минуту торговаться за туалетную бумагу.

Можно было сидеть в тишине у воды, пока обезьяна не выхватит банан из пакета.

Можно было пытаться «отпустить эго», а потом раздражаться, когда кто-то занимал твоё любимое место в кафе.

Это возвращало всё на землю.

Рая приехала 2 декабря.

Её поезд опоздал на четыре часа. Она вышла уставшая, злая и голодная. Водитель рикши назвал цену в три раза выше нормальной, и Рая, после трёх недель дороги, впервые почувствовала, что обладает достаточной духовной зрелостью, чтобы яростно торговаться.

Гестхаус «Лотос» нашёлся на другой стороне реки. Им управляла Софи, немка лет тридцати пяти с коротко стриженными волосами и привычкой говорить то, что думала, прежде чем вспоминала о вежливости.

— Надолго? — спросила она.

— Не знаю.

— Все здесь так отвечают. Через неделю половина уезжает, половина покупает штаны и открывает курс дыхания.

Рая улыбнулась.

— Надеюсь, я найду третий вариант.

Вечером она вышла к реке.

На другой стороне горели огни. Люди спускали на воду маленькие чашечки с цветами и огнём. Рая купила одну у девочки и долго держала в руках, не зная, чего просить.

В детстве её учили, что желание нужно формулировать точно.

Она опустила чашечку в воду без желания.

Пусть случится то, что должно.

И почти сразу рассердилась на себя за эту мысль.

Юлия была права: слишком легко отдать ответственность вселенной.

Рая вернулась в комнату и прикрепила над столом фотографию, купленную в Вене.

Мужчина у реки стоял спиной.

— Кто ты? — спросила она вслух.

За стеной кто-то включил душ.

Никакого ответа не последовало.

ГЛАВА 8. ПЯТЬ ТРИДЦАТЬ

До рассвета река была похожа на металл. Свет ещё не окрашивал воду, и Ганга казалась не священной, а просто древней — равнодушной к тем, кто приходил к ней за ответами. Лиам любил этот час именно за отсутствие обещаний. Люди двигались тихо, потому что город ещё не набрал дневной голос; пар от первых стаканов чая поднимался в холодный воздух; ступени отдавали через тонкую подошву ночную прохладу. Когда Рая появилась выше по лестнице, он сначала заметил не лицо. Серый шарф, ладонь на перилах, короткое движение, которым она убрала волосы с щеки. Иногда тело узнаёт другого человека по деталям, которые разум ещё не успел счесть важными. Именно это и испугало его.

5 декабря.

Лиам проснулся до будильника.

В комнате было темно. Вентилятор медленно ворочал воздух под потолком. За окном кто-то кашлянул, захлопнулась дверь, потом снова стало тихо.

Он оделся и вышел.

На улице было прохладно. Ночной город ещё не уступил утру: магазины закрыты, собаки свернулись кольцами у ступеней, редкие люди шли к реке с термосами и ковриками.

Лиам выбрал небольшой гхат подальше от главной церемониальной площадки. Несколько стариков уже сидели у во-

ды. Женщина в красном сари опустила ладони в реку и коснулась мокрыми пальцами лба.

Лиам сел на ступень.

Он закрыл глаза.

Дыхание.

Шум воды.

Колокол вдалеке.

Голос мужчины на другом берегу.

Шорох ткани позади.

Лиам открыл глаза.

Женщина стояла двумя ступенями выше и пыталась решить, куда сесть. На ней были тёмные брюки, серый свитер и лёгкий шарф. Волосы собраны небрежно, несколько прядей падали на лицо.

Он видел её впервые.

И всё же его тело отреагировало раньше мысли.

Не сердце, не «энергия» — что-то физическое, почти неприятное. Будто он слишком быстро поднялся с кровати и кровь не успела добраться до головы.

Женщина посмотрела на него.

В её лице тоже изменилось что-то едва заметное.

Лиам вдруг увидел каменные ступени из сна.

Белый камень.

Женскую ладонь.

И исчезнувшее прежде, чем он успел удержать, ощущение жара индийского утра, которого в этой жизни ещё никогда

не переживал.

— Здесь свободно? — спросила женщина по-английски.
У неё был французский акцент.

— Да.

Она села на расстоянии вытянутой руки.

Они закрыли глаза.

Лиам не мог медитировать.

Всю первую четверть часа он чувствовал её присутствие так, как чувствуют человека в тёмной комнате: через дыхание, изменение воздуха, случайное движение одежды. Он раздражался на себя. Потом раздражение тоже прошло.

Когда солнце поднялось над холмами, женщина открыла глаза.

Лиам тоже.

— Ты всегда подглядываешь во время медитации? — спросила она.

Он растерялся.

— Ты тоже открыла глаза.

— Чтобы проверить, подглядываешь ли ты.

Он засмеялся.

Она улыбнулась.

И именно улыбка, а не мистика, окончательно обезоружила его.

— Лиам.

— Рая.

— Откуда ты?

— Париж.

— Я из Дублина.

— Поэтому ты сидишь под дождём даже там, где дождя нет?

Он посмотрел на мокрый край ступени.

— Профессиональная привычка.

Они пошли пить чай.

Кафе представляло собой террасу с четырьмя столами и видом на реку. За соседним столом мужчина в футболке с надписью Harvard объяснял двум женщинам, что перестал «идентифицировать себя с умом» три недели назад. Рая слушала минуту и наклонилась к Лиаму.

— Удивительно, как громко человек может сообщать, что победил эго.

Лиам подавился чаем.

Так он узнал, что Рая умеет быть язвительной.

Это понравилось ему больше, чем если бы она оказалась безупречно духовной.

Они проговорили до полудня, хотя позже оба не смогли бы точно вспомнить, о чём именно.

Сначала разговор держался за безопасные вещи. За музыку, которая раздражает с первых аккордов. За кофе, который Лиам считал хорошим до тех пор, пока Рая не попробовала и не заявила, что это «горячая коричневая вода с амбициями». За еду. За книги. За то, что Рая всегда забывает зарядить телефон и считает карту города рекомендацией, а не инструк-

цией. Лиам признался, что в тридцать два всё ещё способен испортить варёное яйцо. Она не поверила, и он воспринял это как вызов.

Чем дольше они сидели, тем больше вокруг появлялся день. На террасу пришли двое путешественников с ковриками для йоги. Хозяин кафе вынес на солнце влажные полотенца. По мосту потянулись скутеры, и утренняя тишина постепенно превратилась в ришикешский гул. Рая сняла шарф. На ключице у неё была маленькая родинка, которую Лиам заметил и тут же рассердился на себя за то, что заметил.

Его влекло не к красоте в привычном смысле. В Рае было что-то неустроенное. Она не старалась нравиться. Морщилась, когда чай становился слишком сладким. Перебывала, если мысль казалась ей неточной. Когда смеялась, слегка запрокидывала голову и на секунду закрывала глаза. Лиам чувствовал странное облегчение: рядом с ней не хотелось быть улучшенной версией себя.

Рая, в свою очередь, наблюдала, как он слушает. Лиам не готовил ответ, пока она говорит. Не поглядывал на телефон. Не стремился превратить каждую её фразу в вывод. Это было почти незаметное качество, но после лет музейных приёмов, интеллектуальных ужинов и отношений, где мужчины любили собственные речи не меньше, чем её саму, она почувствовала его сразу.

Большие темы вошли в разговор не торжественно.

Лиам спросил, почему она уехала, и Рая долго не отве-

чала. Внизу на воде женщина поправляла мальчику капюшон. Мальчик вырывался, смеялся, снова позволял застегнуть молнию. Рая смотрела на них и думала, насколько легко чужая забота выглядит простой, пока она не касается тебя.

Она сказала, что её жизнь в Париже не была плохой. Именно это оказалось труднее всего объяснить. Не было начальника-тирана, катастрофического романа, долгов, болезни, одного события, которое дало бы официальное разрешение всё бросить. Она любила музей. Любила город. Любила родителей, друзей, свою квартиру, утреннюю булочную. И всё же каждый следующий год виделся заранее — повышение, новая выставка, ещё одна правильная ступень. Будущее не пугало её. Оно было слишком хорошо освещено.

Лиам слушал и неожиданно понял разницу между ними. Он бежал из комнаты, в которой задыхался. Рая вышла из красивой комнаты только потому, что однажды заметила: дверь всё время была открыта.

Когда он рассказал о собственном офисе, о дождливом вечере и мужчине в витрине, которого узнал не сразу, Рая не стала утешать. Она смотрела на его руки, на то, как он каждый раз сжимает пальцы, произнося «я должен».

Потом сказала, почти между прочим, что насчитала это выражение одиннадцать раз.

Лиам сперва засмеялся, затем почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Ему хотелось объяснить, что дело не в слове. Что он действительно должен понять, кто он,

найти смысл, не потратить поездку зря. Пока он мысленно строил аргумент, Рая лишь смотрела на него, и внезапно вся конструкция стала смешной.

Он уехал, чтобы освободиться от списка обязанностей, и немедленно написал новый — более духовный, но такой же строгий.

Это открытие было неприятным.

И поэтому он ей поверил.

Рая заметила момент, когда его лицо изменилось. Она ожидала защиты, шуток, встречного анализа. Вместо этого Лиам на несколько секунд опустил глаза, будто действительно проверял её слова внутри себя.

Так между ними возникло первое доверие.

Не из совпадения снов. Не из ощущения узнавания.

Из того, что один человек сказал другому нечто неудобное — и другой не ушёл.

Вечером они разошлись у моста.

— Завтра? — спросил Лиам.

Рая сделала вид, что думает.

— Пять тридцать — преступление против человечества.

— В шесть?

— Пять тридцать.

Она ушла.

Лиам стоял и смотрел вслед слишком долго.

В комнате Рая сняла со стены старую фотографию.

Мужчина на краю кадра всё ещё стоял спиной.

Теперь ей казалось, что у него плечи Лиама.
Она перевернула снимок лицом к стене.

ПРОШЛОЕ. 1898 — I. ЭЛИЗА

В Бенаресе Элиза впервые поняла, что свет может быть не освещением, а веществом. Он ложился на белые стены так плотно, что края предметов почти исчезали; на рассвете делал воду серебряной, к полудню — слепящей, вечером — медной. Фотографическая пластина никогда не видела ровно того, что видел глаз, и это приводило Элизу в восторг. Ей приходилось заново учиться экспозиции, ждать, ошибаться, проявлять испорченные кадры и принимать, что чужая страна не обязана подчиняться технике, выученной в Париже. Даже собственное тело здесь вело себя иначе: кожа всегда была чуть влажной, волосы тяжелели от воздуха, запахи цеплялись к одежде — древесный дым, специи, река, пыль. Она приехала наблюдать мир и очень быстро обнаружила, что мир наблюдает её в ответ.

Элиза Вальмон приехала в Бенарес не ради любви.

Это важно, хотя потом семейные истории почти сотрут всё остальное.

Ей было тридцать один. Она уже пережила смерть матери, один неудачный брак, две мастерские и десятки разговоров с мужчинами, которые объясняли, почему фотография не может быть женской профессией, если женщина собира-

ется когда-нибудь стать приличной.

Элиза не собиралась.

Её младший брат Поль работал с торговой компанией и позвал её в Индию на несколько месяцев. Он представлял путешествие как развлечение, которое «вернёт сестре интерес к жизни» после развода.

Элиза согласилась, потому что хотела фотографировать свет.

В Европе он был знакомым. Даже в южной Франции свет ложился на камень предсказуемо. Здесь, в первые недели, ей казалось, что он меняет предметы до неузнаваемости: выбеливает ткань, делает тени почти материальными, отражается от воды так резко, что стеклянная пластина не успевает за человеческим глазом.

Она познакомилась с Шивом Прасадом через владельца гостиницы.

Его студия находилась в узком доме над лавкой тканей. На первом этаже продавали хлопок, выше пахло химикатами, деревом и пылью. На стенах висели портреты семей, чиновников, музыкантов, свадебных пар.

Элиза пришла как европейка, уверенная, что знает технику.

Через час поняла, что знает гораздо меньше.

Шив не унижал её и не восхищался.

Он просто показал, что в этой жаре эмульсия ведёт себя иначе.

— Вы держите экспозицию слишком долго, — сказал он.

— Во Франции это работает.

— Мы не во Франции.

Элиза посмотрела на него.

— Это я уже заметила.

Он улыбнулся.

Так началось ученичество, которое позднее европейские каталоги почти полностью вырежут из её биографии.

Она приходила в студию утром. Они проявляли пластины, спорили, ездили с тяжёлым оборудованием к реке. Шив учил её просить разрешение перед съёмкой там, где Поль просто поднимал камеру.

— Но улица публична, — возразил брат.

— Публична улица, — сказал Шив. — Не каждое лицо на ней принадлежит вам.

Поль закатил глаза.

Элиза запомнила.

Через месяц Поль уехал в Калькутту по делам.

Элиза осталась.

Именно тогда в студию впервые вошёл ирландец с двумя манго.

ГЛАВА 9. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Близость сначала прячется в расписании. В одной и той же чайной появляются два постоянных стакана. На гхате появляется привычное место для двух тел. Один человек знает, что другой не любит слишком сладкий чай, и уже без вопроса просит меньше сахара. Эти вещи возникают незаметно, но именно они опаснее первых поцелуев: из них строится ощущение «мы». За десять дней Рая и Лиам успели создать маленькую временную страну со своими маршрутами, шутками, молчанием и часом рассвета. Внешний мир продолжал шуметь вокруг — автобусы уезжали, группы туристов сменяли друг друга, река несла новую воду, — а им всё больше казалось, что дни принадлежат только им. Любовь всегда немного искажает масштаб реальности.

В следующие десять дней они стали привычкой друг друга.

Это произошло быстрее, чем Рае нравилось.

Каждое утро — гхат. Потом чай. Иногда занятие йогой, иногда прогулка, иногда они расходились на несколько часов и встречались вечером.

К концу второго дня у их близости появились запахи.

У Лиамы — мыло из гестхауса, влажный хлопок футболок, кофе и что-то древесное, оставшееся от крема для бритья, который он привёз из Дублина. У Раи — цитрусовый шам-

пунь, пыль дороги, дешёвые индийские благовония, которые она купила из любопытства и уже успела возненавидеть, и графит карандашей: она постоянно держала их в руках, поэтому серый след оставался на пальцах.

Лиам начал узнавать её по звуку шагов на лестнице. Рая — по тому, как он стучит: два коротких удара и один более тихий, словно в последний момент сомневается, не помешал ли. Однажды утром она открыла дверь раньше третьего стука и увидела на его лице такое детское удивление, что потом весь день улыбалась при одном воспоминании.

Они не пытались быть красивыми рядом друг с другом. Это случилось слишком быстро. Рая видела Лиам сонным, злым из-за плохого интернета, мокрым после дождя, неловко пытающимся выторговать цену за шарф и тут же сдающим. Он видел, как она ругается по-французски, когда ломается карандаш, как собирает волосы в узел первой попавшейся резинкой, как иногда замолкает посреди весёлого дня без видимой причины и уходит внутрь себя.

Тело привыкало раньше сердца. Плечи перестали напрягаться при случайном касании. Колено, коснувшееся другого колена под столом, не отодвигалось мгновенно. Они всё чаще шли рядом на такой дистанции, где руки могли соприкасаться при каждом втором шаге. Ни один не делал это намеренно. Ни один не пытался увеличить расстояние.

Рая эта естественность нравилась и пугала. Она уже знала, что самые опасные отношения начинаются не там, где муж-

чина говорит «ты моя», а там, где женщина сама с радостью отдаёт ему всё больше пространства, потому что рядом тепло. Поэтому каждое утро она мысленно проверяла: чего я хочу сегодня, если забыть о Лиаме?

Иногда ответ всё равно был: увидеть Лиаму.

Это раздражало её больше всего.

На третий день Лиам принёс ей папайю и заявил, что научился определять спелость по запаху.

Рая попробовала.

— Ты научился выбирать гнилую папайю.

— Это первый этап мастерства.

На четвёртый день обезьяна украла у Раи очки. Лиам пытался договориться с ней бананом, пока местный мальчик не забрал очки за половину печенья и посмотрел на ирландца с жалостью.

На пятый день они поссорились впервые — из-за фотографии.

Рая показала снимок из Вены.

Лиам долго молчал.

— Я видел это место во сне.

Рая резко подняла голову.

— Не говори так.

— Как?

— Так, будто пытаешься сделать момент важнее, чем он есть.

— Я серьёзно.

— Я тоже видела его во сне.

Лиам протянул руку к фотографии, но Рая отодвинула её.

— Что?

— Ничего.

— Очевидно, что-то.

Она сложила снимок обратно в конверт.

— Я не хочу, чтобы мы превращали это в историю о судьбе.

— Почему?

— Потому что тогда всё становится слишком удобным.

— Удобным?

— Если мы «предназначены», нам не нужно решать, подходим ли мы друг другу. Не нужно замечать то, что не нравится. Не нужно уходить, если станет плохо. Можно назвать любую боль кармой и терпеть.

Лиам смотрел на неё.

— Я не говорил ничего из этого.

— Пока нет.

Она сама слышала резкость.

— Прости.

— Кто-то делал так раньше?

Рая поняла вопрос.

— Я делала.

— С Тео?

— Нет. До него.

Она никогда не рассказывала об этом подробно. В два-

дцать четыре года Рая жила с мужчиной по имени Маттьё, режиссёром, который был на одиннадцать лет старше её. Он называл её своей музой. Первое время это казалось прекрасным. Потом она заметила, что перестала встречаться с друзьями, отказалась от стажировки в Лондоне, начала подстраивать работу под его съёмки. Маттьё никогда прямо не заперщал. Ему не нужно было.

— Я сама себя уменьшала, — сказала Рая. — А потом обвиняла его, что он занимает слишком много места.

— Поэтому ты боишься отношений?

— Я боюсь не отношений. Я боюсь того, кем иногда становлюсь внутри них.

Лиам кивнул.

Он не стал говорить, что с ним будет иначе.

Рая запомнила это.

На шестой день они впервые коснулись друг друга не случайно.

Шли по узкому участку дороги, когда мотоцикл проехал слишком близко. Лиам взял Раю за локоть и притянул к стене.

Его ладонь осталась на её руке на секунду дольше необходимого.

Ничего не произошло.

И произошло слишком много.

На седьмой день они поцеловались.

Не на закате, не после церемонии, не на фоне мантр.

В прачечной.

Шёл короткий дождь. Они забежали под жестяной навес вместе с корзиной вещей Лиамы. Электричество отключилось, хозяйка зажгла свечу и ушла искать генератор. Рая увидела, что одна его белая футболка стала розовой.

— Что ты сделал?

— Кажется, постирал её с красным полотенцем.

— Человек, который консультировал крупные компании.

— Мои компетенции были узкоспециализированы.

Она засмеялась.

Лиам тоже.

Потом замолчал.

В темноте его лицо было совсем близко.

Рая могла отступить.

Она не отступила.

Поцелуй был коротким. Потом второй — уже нет.

Когда включился свет, они отшатнулись друг от друга и начали смеяться так, будто их поймали подростками.

На восьмой день Рая проснулась в комнате Лиамы.

Утро было обычным и поэтому страшнее любой мистики.

Его рубашка лежала на полу. На столе стояла вчерашняя чашка. Лиам спал на животе, одна рука свешивалась с кровати.

Рая смотрела на него и почувствовала знакомый старый страх.

Вот оно.

Начинается.

Она тихо оделась.

Лиам открыл глаза.

— Ты уходишь?

Вопрос был нейтральным, но Рая услышала в нём то, чего там не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.